

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1551-1563
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of Antipodes of Peter I in Russian Pre-Revolutionary Historiography: Construction, Functions, Interaction

Nikolaj A. Mininkov ^{a,*}, Artyom Yu. Peretyatko ^{b,c}

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the images of the antipodes of Peter I in Russian pre-revolutionary historiography. The authors proceed from the fact that a historical narrative can be not only a scientific, but also a figurative and artistic work. In the latter case, it is fundamentally important how the historian builds images in his narrative. The article analyzes the works of I.I. Golikov, N.G. Ustryalov, N.I. Krasnov, M.N. Pokrovsky and P.N. Krasnov. The authors come to the conclusion that in all the cases they analyzed, the construction of the images of antipodes pursued primarily publicist and presentational goals. It helped the historian to reveal the current socio-political concept using historical examples. However, the difference between these concepts forced historians to choose different characters for the role of the antipodes of Peter I and build the relationship between the images of the hero and his antipode in different ways. In the case of I.I. Golikov and N.G. Ustryalov, the idealized Peter I was opposed by the demonized I.S. Mazep and tsarevna Sophia. N.I. Krasnov, on the contrary, revealed the shortcomings of the figure of Peter I by opposing him to K.A. Bulavin, and both of these characters in his narrative were rather positive, which made it possible to interpret their conflict as a tragedy. M.N. Pokrovsky, sharply criticizing Peter I, clearly contrasts his own author's image of the emperor with his traditional image in Russian historiography, drawing his own Peter I from the contrary. Finally, P.N. Krasnov, trying to restore the idealized image of the emperor, discredited image of K.A. Bulavin by N.I. Krasnov, creating an antipode to an antipode.

Keywords: historiography, antipodes, Peter I, I.S. Mazepa, tsarevna Sophia, K.A. Bulavin.

1. Введение

Филологический поворот в современном научном гуманитарном познании предполагает использование в нем понятия «образ», широко распространенного в литературоведении. Однако образы исторических персонажей создавались историками и ранее. Осознанно или нет, отдельные историки стремились с помощью образов доказательно утвердить в сознании читателя свои политические идеи и исторические воззрения. Одним из распространенных приемов для достижения этой цели было использование сравнений, к которому историки приходили путем элементарного логического мышления: сравнение образов нескольких исторических персонажей позволяло убедительно и доступно донести до читателя важные для исследователя идеи. Значительным достоинством этого приема были его демократичность и простота: с одной стороны, как мы увидим ниже, к нему интуитивно прибегали и авторы, не имевшие специального исторического образования, а с другой – использование сравнения позволяло создавать литературные и понятные широкому читателю тексты. Частным случаем сравнения является создание образов, выражающих крайности и противопоставляемых друг другу, т. е. формирование образов исторических антиподов. Однако если

* Corresponding author

E-mail addresses: mininkov@aanet.ru (N.A. Mininkov), ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

тема конструирования образов в отечественной историографии анализировалась многократно, то тема использования российскими историками в своем нарративе образов-антиподов остается почти не изученной. Поэтому в своей статье мы хотели проанализировать на конкретном примере, как отечественные историки конструировали не просто образы, но образы-антиподы, как взаимодействовали между собой эти образы в рамках отдельного авторского повествования и, шире, в рамках историографии в целом.

Для достижения этой цели мы решили обратиться к работам нескольких российских дореволюционных исследователей, посвященных Петру I. В 2014 г. филолог О.Н. Шевцова в одной из своих статей проанализировала композицию «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова и отметила, что «начиная с “Деяний Петра Великого” И.И. Голикова, в историографии была заложена другая традиция, по которой историком формировался образ главного врага царя, его своеобразный антипод» (Шевцова, 2014: 118). К сожалению, подробно обосновывать и развивать данную мысль О.Н. Шевцова не стала, ограничившись указанием на то, что у И.И. Голикова антиподом Петру является И.С. Мазепа, а у Н.Г. Устрялова – царевна Софья (Шевцова, 2014: 118-119). Даже конкретный образ Софьи у Н.Г. Устрялова О.Н. Шевцова подробно не анализировала, но указала на то, что «сильный и демонический образ главного противника Петра» был важен для композиции «Истории царствования Петра Великого», причем об этом она написала в той части своей статьи, которая посвящена «художественной образности» разбираемого ею текста Н.Г. Устрялова (Шевцова, 2014: 117-118). Таким образом, из исследования О.Н. Шевцовой следует, что создание образов антиподов Петра I достаточно распространено в отечественной историографии, а работа авторов с этими антиподами может быть значима для композиции их текстов, причем не только содержательно-научной, но и образно-художественной.

Тот факт, что историки часто конструировали образы отдельных персоналий при описании Петровской эпохи, объясняется спецификой самого исторического материала. Исключительно яркая и харизматичная личность первого российского императора привлекала к себе множество людей. Наиболее выдающиеся из них, преуспевшие как в сфере государственной и военной деятельности, так и, не в меньшей степени, в злоупотреблениях и казнокрадстве, широко известны не только в историографии, но и в отечественной культуре, в которой они представлены, начиная с «Полтавы» А.С. Пушкина, под собирательным образом «птенцов гнезда Петрова». Вне учета исторической роли этих лиц и влияния их на самого монарха в историографии не было бы создано сколько-нибудь полного и законченного образа самого Петра Великого. Не случайно в этой связи обобщенную монографическую характеристику личности и деятельности видных людей из ближайшего петровского окружения давал выдающийся исследователь российской истории раннего Нового времени Н.И. Павленко (Павленко, 1985). Имеется немало исторических трудов и произведений художественной литературы об отдельных выдающихся сподвижниках царя-реформатора (Беспярых, 2008; Дружинин, 1997; Дудаков, 2011).

Но у Петра I были не только единомышленники и сподвижники. На жизненном пути его вставали и совершенно иные люди, противостоявшие царю или с самого начала его жизни, или в ходе сложившихся определенным образом исторических обстоятельств. Несомненно, что их характеристики и анализ действий Петра I по отношению к ним не в меньшей степени способствуют углубленному раскрытию личности царя, чем описания его отношений со сподвижниками. Поэтому логично и закономерно, что размышления историков о личности и деятельности Петра Великого заставляли их обращаться и к персоналиям противников царя. И в некоторых случаях в нарративе историка кто-то из идейных противников Петра I дорастал до его полноценного антипода, с конструированием полноценного образа и раскрытием личности и политики первого русского императора через противопоставление этому образу. Это уже само по себе предполагает признание исторической значимости деятельности антиподов для времени царствования Петра I, прежде всего тогда, когда они прямо выступали против царя. Однако для историков обращение к личностям петровских антиподов еще и давало возможность более ярко и конкретно представить петровское время как исторический период, полный глубоких внутренних противоречий и острейших противостояний на общественном и личном уровне.

Конечно, противников Петра I в русском обществе того времени было множество. На это прямо указывал еще писатель и экономист того времени И.Т. Посошков. Он писал, что «великий наш монарх <...> ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут» (Посошков, 1951: 99). И, хотя открыто высказывали свое недовольство Петром I далеко не все из них, даже в дошедших до нас архивных материалах представлено недовольство представителей разных слоев населения. Как справедливо писал Е.Ф. Шмурло, разговоры с критикой царя вели «сын боярский, крестьянин, нищий, хлебный старец монастырский, раскольник, посадский человек, драгунский капитан и отставной прапорщик; кликуша, старица-черница, дьячек и священник, каждый на свой лад, и все на одну тему: "какой это царь! Весь мир переел, немцы обошли его! Давно бы разделаться с ним надо!"» (Шмурло, 1912: 5-6). Известия о подобных «непригожих» высказываниях историк получал из множества дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

Но все эти люди, проходившие по делам о «непригожих речах», были людьми второго исторического плана. Противопоставлять их царю, презентовать их в качестве полноценных антиподов Петра I историки не могли. Да и сам царь об абсолютном большинстве таких лиц просто ничего не знал, поскольку их дело ограничивалось застенками и пыточными карательных учреждений. На роль антиподов Петра I, как мы указывали выше, подходили только личности, чья деятельность была значима для царствования первого российского императора, люди, имевшие определенное политическое влияние и общественный вес, персонажи, представлявшие интересы серьезных в социальном и политическом отношении сил. Такие люди часто и сами прямо противопоставляли себя царю, а их действия представляли для него определенную опасность. Соответственно, свое отношение к подобным персонажам проявляли разные историки, исследовавшие Петровскую эпоху, однако на роль петровского антипода они выбирали разных лиц. Отношение к конкретным противникам Петра I у разных историков не было одинаковым и зависело от многих обстоятельств, и важнейшей из которых была сама цель историка, создававшего образ царского антипода. Его могли быть как стремление к более полной и глубокой характеристике самого Петра I, так и апология царя за счет демонизации его противников, а в некоторых случаях антиподы интересовали историка сами по себе, становясь не вспомогательными фигурами для описания личности императора, но фигурами, равновеликими ему.

Следовательно, образы антиподов Петра Великого в трудах историков интересны не только в контексте изучения того, как происходит формирование образов исторических антиподов, но и сами по себе, поскольку они представляют собой значимое явление в рамках обширной отечественной историографии на петровскую тему.

2. Материалы и методы

В качестве примеров мы избрали нарративы пятерых авторов, совершенно различных по значению в отечественной историографии, уровню владения методами исторической науки, амбициям и политической позиции. Их объединяет то, что они в своем нарративе противопоставляли образу Петра I образ другого персонажа (за одним исключением, в котором уместнее говорить об антипode антипода). Этими авторами являются И.И. Голиков («Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России»), Н.Г. Устрялов («История царствования Петра Великого»), Н.И. Краснов («Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта»), М.Н. Покровский («Русская история с древнейших времен») и П.Н. Краснов («Картины былого Тихого Дона»). Мы проанализируем их повествовательную стратегию, соотношение образов героя и антипода в их нарративе и на этом основании покажем, насколько сложным и неожиданным может быть конструирование образов антиподов в историческом повествовании.

3. Результаты

И.И. Голиков

Первый образ антипода Петра I прослеживается уже в первом большом российском труде об императоре, созданном И.И. Голиковым. Этот историк конца XVIII в. принадлежал к решительным апологетам царя. «Голиковский Петр I – это прежде всего неутомимый работник, рачительный и заботливый хозяин, доходивший в своих заботах и наставлениях до каждого подданного», – писал исследователь творчества И.И. Голикова С.А. Мезин (Мезин, 1991: 103). Подобная оценка уже не вполне соответствовала исторической мысли своего времени, когда стал заметен отход от апологетики царя времени Феофана Прокоповича и М.В. Ломоносова, вызванный стремлением к более глубокому пониманию не только позитивных, но и негативных сторон петровского царствования. Однако И.И. Голиков не принял этого поворота в общественной мысли России и в формировавшейся отечественной исторической науке по отношению к создателю Российской империи. Решительно защищая Петра I якобы от нападок шведского автора И.Г. Страленберга, который был в русском плену, И.И. Голиков имел в виду вовсе не И.Г. Страленберга, умершего к тому времени. Он имел в виду своих современников, прежде всего представителей просвещенного дворянства, вроде князя М.М. Щербатова, которые допускали критику отдельных сторон деятельности царя (Виденкина, 2021: 24).

Не приемля критику Петра I, И.И. Голиков в то же время понимал, что апологетика царя должна быть убедительной. Добивался он этого, в частности, путем создания образа петровского антипода. На эту роль он избрал украинского гетмана И.С. Мазепу. При всем своем крайне негативном отношении к гетману И.И. Голиков тем самым показал, возможно сам не осознавая этого, насколько крупным и незаурядным был этот деятель российской и украинской истории (Таирова-Яковлева, 2011: 10). В то же время в рамках российской традиции фигура И.С. Мазепы объективно является наиболее очевидной для создания убедительного для читателя негативного образа царского антипода. Его канонический образ в русской культуре основан на теме предательства, принципиально важной в христианской культурной традиции и не утратившей свое значение в Новое время. В этой связи показательна известная история с чеканкой в Российской империи в 1709 г. уникального ордена Иуды для И.С. Мазепы. Современные исследователи Д.И. Антонов и М.Р. Майзульс интерпретируют

вкладываемое в него российскими властями символическое значение так: «Чтобы осудить и дискредитировать изменника, они мобилизуют самый мощный из негативных образов – фигуру Иуды, апостола-хриstopродавца» (Антонов, Майзульс, 2013: 204-205).

Поэтому и И.И. Голиков строил свой подчеркнuto негативный образ гетмана И.С. Мазепы на основе темы измены его России и Петру I. Начало измены, согласно И.И. Голикову, имело место тогда, когда гетман после поражения шведов при Лесной написал два письма Карлу XII, «обнадеживая его как о своем, так и о всех малороссийских людях доброхотстве и готовности к услугам» (Голиков, 1838: 24). Историк всячески подчеркивал как серьезность подготовки И.С. Мазепы к переходу на сторону шведов, так и то, что гетман при этом поддерживал уверенность Петра в его верной службе. При описании этих событий И.И. Голиков использовал подчеркнuto экспрессивную лексику: «изверг сей, под видом осторожности от вторжения неприятельского, укрепил для него нужные города, паче же Батурич, Ромен и Гадяч, и снабдил оное множеством провианта и всякой амуниции» (Голиков, 1838: 24). Чтобы скрыть свои замыслы от царя, гетман приказывал в своих универсалах народу «блостися от страшного неприятеля, неприятеля, намеревающагося вступить в их отечество», чтобы все это «не подпало обычному шведскому грабительству» (Голиков, 1838: 24). Но все это, в интерпретации И.И. Голикова, петровский антипод делал с коварным замыслом, потому что «мнил <...> приуготовить королю шведскому укрепленные города и в них магазейны и соблюсти для него же все имущество малороссиян» (Голиков, 1838: 25). И «изверг» – это далеко не самое грубое оскорбление И.С. Мазепы в данном нарративе. Он еще «безбожный клятвопреступник», «коварник» и, конечно же, «второй Иуда» (Голиков, 1838: 24-26).

Однако предательские планы гетмана не осуществились. На пути их стал, как утверждал И.И. Голиков, сам «народ Малороссийский» (Голиков, 1838: 28). Как только Мазепа объявил своему войску о намерении перейти на сторону шведского короля, войско разбежалось, и с ним остались только «единомышленные ему» казацкие старшины и полторы–две тысячи служивших за жалованье сердюков (Голиков, 1838: 28). Народ, подчеркивал И.И. Голиков, не пошел за гетманом-изменником. Так был создан образ антипода царя, потерпевшего заслуженное поражение и вскоре после этого окончившего свои дни.

Таким образом, в нарративе И.И. Голикова образ антипода Петра I стилистически и идейно наиболее примитивен. Противопоставление Петра I и И.С. Мазепы морально предельно однозначно: это противостояние добра и зла, где одна сторона прямо сравнивается с Иудой. Поэтому в данном случае к образу царя образ его противника добавляет мало. Его функция скорее чисто служебная и сводится к возвеличиванию главного героя нарратива через демонстрацию аморальности его врагов.

Н.Г. Устрялов

Следующим по времени большим трудом, посвященным первому императору России, стало сочинение известного историка Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», которое автор посвятил императору Александру II. Но создавался этот труд еще при Николае I, когда образ Петра I стал одной из основ идеологии режима, наряду с теорией официальной народности: власть конструировала в массовом сознании петровский культ и способствовала сооружению монументов этого царя (Сокол, 2006: 39-44). Сказывалось личное отношение правящего императора к Петру I. По справедливому замечанию Р.С. Уортмана, Петр Великий – это «кумир Николая» (Уортман, 2002: 455). Все это не могло не сказаться на содержании труда близкого к властям историка. И для более полного и завершеного формирования образа героя-царя Н.Г. Устрялов использовал, как ранее И.И. Голиков, прием контраста, когда царю противопоставлялся его антипод. Но если И.И. Голиков предсказуемо избрал на роль петровского антипода гетмана И.С. Мазепу, то Н.Г. Устрялов проявил больше изобретательности, обратившись к фигуре царевны Софьи, чей образ получился у него крайне отталкивающим.

Этому способствовало как описание внешности царевны, так и логично его развивающее описание личных качеств Софьи. Царевна, по словам Н.Г. Устрялова, была «не красавица собой, нестройная станом от излишней тучности, с лицом суровым, она казалась несколькими годами старше, чем была действительно» (Устрялов, 1858а: 27). Столь же неприятны, как внешность, были и ее душевные качества: «Грудь ее пылала властолюбием и сладострастием; в голове таились отважные замыслы; ей душно было в скромном тереме» (Устрялов, 1858а: 27). «София захотела быть русскою Пульхериею», которая взяла реальную власть «из слабых рук брата своего, Феодосия» и «так долго и славно царствовала в Византии», – подчеркивал Н.Г. Устрялов притязания царевны (Устрялов, 1858а: 27). Этим притязаниям, согласно Н.Г. Устрялову, соответствовали методы борьбы ее за власть. «Бойкая на словах, хитрая, вкрадчивая, с смиренным благочестием на лице, с неукротимыми страстями в сердце», она сумела войти в доверие к старшему брату, царю Федору (Устрялов, 1858а: 27). Историк допускал, что уже во время похорон Федора Софья «обдумывала план, каким бы образом вырвать кормило правления из рук ненавистной мачехи» (Устрялов, 1858а: 28).

Он подробно показывал, как Софья от замыслов перешла к делу и обратилась к «ближнему свойственнику, поседевшему в крамоле, боярину Ивану Михайловичу Милославскому» (Устрялов, 1858а: 28). Он посоветовал ей привлечь стрельцов, «чтобы в кровавом бунте истребить фамилию

Нарышкиных и ее приверженцев», и далее при ее участии заговорщики составили «список обреченных на убийство» (Устрялов, 1858а: 28). «София со своими клеветами» распространяли слухи среди стрельцов, подталкивая их к бунту (Устрялов, 1858а: 29). Мы бы снова обратили внимание на оценочную лексику: она у Н.Г. Устрялова не так груба, как у И.И. Голикова, но относящиеся к царевне и ее сторонникам выражения типа «поседевший в крамоле», «клеветы», презентация цели ее заговора как «кровоавого бунта» с истреблением семьи Нарышкиных направлены на формирование у читателя однозначного представления о Софье как об аморальной властолюбивце.

Страшная опасность, исходившая от стрельцов, поднявших бунт по проискам царевны, нисколько, как писал Н.Г. Устрялов, не испугала десятилетнего царевича Петра. Со ссылкой на свидетельство русского посла в Голландии, сделанное через 15 лет после бунта, он утверждал, что «среди убийств Петр не обнаружил ни малейшей перемены в лице и своим бесстрашием изумил стрельцов» (Устрялов, 1858а: 45). Как мы видим, эмоции Петра, не важно, вымышленные или реальные, но тоже весьма неоднозначные для ребенка, на чьих глазах совершаются убийства, Н.Г. Устряловым, напротив, подаются в самом лучшем свете.

Утвердившись во власти, царевна, как писал историк, стремилась выразить свое тщеславие в литературных текстах и искусстве. Она «желала видеть свою персону не вместе с братьями, а отдельно, и притом с пышною арматурою, в подражание портретам римских императоров, окруженных курфюрстами» (Устрялов, 1858b: 46). В не менее негативном свете в устряловском нарративе показан и фаворит Софьи, князь В.В. Голицын. Н.Г. Устрялов приводит сведения о том, что князь «опасался, чтобы любовь Софьи к нему не остыла», и использовал чародейство с помощью одного из крестьян его деревни, знавшего «тайную силу трав» (Устрялов, 1858b: 48). От этого крестьянина он получал «коренья», которые подкладывал в пищу царевне «для прилблнения» (Устрялов, 1858b: 48). Но вскоре после того князь этого крестьянина «велел сжечь <...> в бане», как писал Н.Г. Устрялов, чтобы «не было от него проносу», или донесения (Устрялов, 1858b: 48). Упоминание историком этого откровенно незначительного эпизода с явно негативной подачей образа князя-фаворита царевны дополняло резко отрицательную характеристику самой Софьи. При этом только в примечаниях Н.Г. Устрялов сделал важное разъяснение, позволяющее интерпретировать всю приведенную им информацию совершенно по-другому. Дело в том, что об истории с князем В.В. Голицыным и сожженным им мужиком известно лишь из показаний, добытых под пытками, причем демонстрирующих занятую цепочку свидетелей: расстрига Сенька Медведев «с пытки» признал, что слышал эту историю от Васька Владимирова, а тот «с пытки» подтвердил его слова, но с дополнением, что сам только слышал о злодеянии князя от некоего Васьки Иванова (Устрялов, 1858b: 344). Сам же Голицын это обвинение решительно отрицал: «Ничего такого не делывал и не мыслил и человека в бане не сжигал» (Устрялов, 1858b: 344). Поэтому достоверность данного эпизода, мягко говоря, сомнительна. Но для усиления негативного впечатления у читателя от образа Софьи как антипода Петра I Н.Г. Устрялов в основном тексте своего труда приводит компрометирующие В.В. Голицына сведения как бесспорный факт, притом, что он был сильным источниковедом и не мог не понимать их сомнительность.

Следовательно, в нарративе Н.Г. Устрялова в общих чертах воспроизводится та же схема, что и в нарративе И.И. Голикова: идеализированному образу Петра I противопоставляется его демонизированный антипод, роль которого сводится к созданию контраста для достоинств главного героя. Однако нельзя не отметить, что Софья Н.Г. Устрялова, в отличие от И.С. Мазепы И.И. Голикова, все же представляет собой образ живого, хотя и неприятного человека, а не основанную на одном главном факторе, предательстве, условную фигуру второго Иуды.

Таким образом, И.И. Голиков и Н.Г. Устрялов создали свои яркие и резко негативные образы петровских антиподов. Оба историка целиком и полностью были на стороне Петра в описаниях острых политических столкновений между царем и его антиподами. Оба историка выступали панегиристами Петра I, что в отношении Н.Г. Устрялова указывали Н.А. Добролюбов и С.М. Соловьев (Веркеенко, Казакова, 2005: 182-183). Однако после них культ Петра Великого в отечественной историографии начал уходить в прошлое. Отдаленным предшественником этого явления в исторической мысли выступил А.С. Пушкин. Он в своей незавершенной «Истории Петра I» сделал серьезную попытку отойти от традиционной апологетики царя и уяснить особенности его жизни и деятельности во всей сложности и противоречивости (Эйдельман, 1984: 40). Серьезной была и попытка С.М. Соловьева отойти от крайностей идеализации Петра I. Однако его мысль о том, что государственное начало играет исключительно «созидательную, творческую роль <...> в русском прошлом и настоящем» не позволила историку вполне отрешиться от традиционной петровской апологетики (Цимбаев, 1990: 347). Подводя итоги осмысления роли Петра I в русской истории и создания его образа как творца новой России, В.О. Ключевский записал в 1891 г.: «Чтобы сделать Петра Великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собою стал велик» (Ключевский, 1968: 326). Исследователь не отрицал позитивной оценки Петра I в русской истории вообще. Но для него это вовсе не исключало критического отношения к некоторым сторонам личности и деятельности царя. При подобном

подходе В.О. Ключевский уже не нуждался в обращении к такому приему, как создание образов петровских антиподов.

Н.И. Краснов

Однако образ антипода Петра I мог использоваться и для разрушения культа императора. При этом наиболее интересным нам представляется вариант, когда авторские симпатии распределялись между Петром и его антиподом. Подобный случай нам неожиданно удалось обнаружить не в российской научной историографии, а в донском региональном любительском историописании. Необычно сложные и неоднозначные образы Петра I и его антипода К.А. Булавина создал военный статистик Н.И. Краснов в малоизвестной статье «Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавицкого бунта» (Краснов, 1882a; Краснов, 1882b; Краснов, 1882c; Краснов, 1882d).

Сложность этих образов во многом объясняется биографией и политическими воззрениями самого Н.И. Краснова. Он принадлежал к одному из известнейших донских дворянских родов, но значительную часть жизни провел в Санкт-Петербурге, на военно-административных должностях в Главном управлении казачьих войск, дослужившись до генерал-лейтенантского чина (Донцы..., 2003: 247-248). Он был человеком либеральных взглядов и надеялся, что запущенные властями в конце 1850 гг. системные преобразования российского казачества «дадут возможность развития в донской области промышленности и образования, которые находятся в застое» (Краснов, 1864: 212). Однако одновременно Н.И. Краснов понимал, что непродуманная попытка лишить казаков их привилегий может привести к самым непредсказуемым последствиям. Примером этого для него было Булавицкое восстание (Краснов, 1864: 210-211). При этом Н.И. Краснов не скрывал, что изучает прошлое ради того, чтобы «на основании прошедшего намечать, как бы подсказывать будущее» (Краснов, 1881: 66). И поэтому высокопоставленный чиновник в своих любительских исторических штудиях раз за разом обращался к истории Булавицкого восстания, пытаясь понять, что заставило казаков подняться против власти и в чем заключалась приведшая к этому роковая причина. В своих нарративах 1860–1880 гг. он усложнял образы Петра I и К.А. Булавина, пока не создал концепцию, на наш взгляд, достойную научной историографии, а не любительского историописания.

Булавицкое восстание Н.И. Краснов характеризовал как «кровавую трагедию» (Краснов, 1882d: 124). Для генерала события 1707–1709 гг. на Дону не были предательским бунтом черни в разгар тяжелейшей войны, но и от идеализации идей восставших правительственный чиновник был далек. Он описывал именно кровавую трагедию, порожденную как обстоятельствами, так и противоположностью конкретных личностей, неспособных понять друг друга, личностей, чьи интересы в это время столкнулись на Юге России.

Петр I для Н.И. Краснова «гениальный, энергичный и неутомимый государь» (Краснов, 1882d: 124). Эти качества особенно выделяются на фоне основной массы русского народа, «не терпящего постоянной, упорной деятельности» и способного на подвиг, но ненавидящего кропотливую, упорную работу (Краснов, 1882d: 121). Здесь и кроется корень трагедии. Не одобряя негативных качеств русского народа, Н.И. Краснов подчеркивал, что с ними следует считаться, и обвинял Петра I в том, что он этого не делал. «Своего народа в этом отношении не хотел понять великий русский государь, не советовавшийся с сведущими, выборными людьми, и желавший переделать натуру нашего простолюдина по немецким нравам и обычаям, по западноевропейским образцам», – писал он (Краснов, 1882d: 121).

Напротив, К.А. Булавин предстает в рассматриваемом нами тексте «народным бунтарем», за спиной которого «скрывались недовольные царем донские казаки и отягощенный и обездоленный русский народ» (Краснов, 1882d: 125). Н.И. Краснов постоянно подчеркивает народность Булавицкого восстания и доходит даже до идеи о том, что личность К.А. Булавина для хода восстания была не важна: «Умен ли, силен, речист, даровит ли предводитель – в данном случае было не важно. Нужен был вождь для восстания против правительства; народ уже давно был приготовлен и ждал случая воочию указать правительству, что он доведен до крайности» (Краснов, 1882d: 125).

Соответственно, Петр I интерпретируется Н.И. Красновым как гений-одиночка, возвышающийся над своим окружением и своей эпохой. Генерал даже подчеркнуто полемизирует с С.М. Соловьевым, доказывая, что настоящим противником повстанцев-булавиццев было «вовсе не государство, как выражается Соловьев, а одна колоссальная личность» (Краснов, 1882d: 125). Поэтому для него Булавицкое восстание подавил не князь В.В. Долгоруков, а Петр I: «Страшный, по могущим быть от него последствиям, булавицкий бунт сломлен твердостью, настойчивостью и чудовищной энергией Петра, следившего шаг за шагом за перипетиями этой последней борьбы казачества против администрации» (Краснов, 1882d: 124). Если личность К. Булавина для хода восстания не важна, то личность Петра I, напротив, оказывается определяющей: Н.И. Краснов подчеркивает, что при Михаиле Федоровиче или Алексее Михайловиче повстанцы вполне могли бы победить (Краснов, 1882d: 125).

К.А. Булавин позиционируется как смелый и достойный, но в целом ординарный казак, «личность, не наделенная выдающимися умственными дарованиями» (Краснов, 1882d: 135). Почти все его действия на самом деле инспирированы извне, в лучшем случае волей народа. Так, в начале

восстания, убивая князя Ю.В. Долгорукова, атаман повстанцев выступает «простым исполнителем общего решения верховых казачьих городков» (Краснов, 1882d: 136). На пике восстания он добровольно отказывается от руководства собственно боевыми отрядами казаков, передав военное командование более «способным людям», в частности И.Ф. Некрасову (Краснов, 1882d: 139). «Он даже не вождь в смысле военачальника, а скорее оратор, бунтарь», – подводит итог Н.И. Краснов (Краснов, 1882d: 139). В худшем случае К.А. Булавиным манипулируют окружающие его люди, вплоть до пресловутого «предателя» И.С. Мазепы (Краснов, 1882d: 147).

И в итоге в интерпретации Н.И. Краснова выходит, что Петр I был носителем прогресса, желающим уничтожить «своеволие казаков», чтобы «приуготовить их к восприятию гражданственности на общих для империи условиях» (Краснов, 1882d: 125). Однако при этом и желания народа, и исторические права сословий самодержец игнорировал. Н.И. Краснов прямо обвинил русских историков в том, что, верно излагая хронологическую канву Булавинского восстания, они «преклонялись перед всеми, даже несимпатичными чертами преобразователя России, совершенно забывая народ» (Краснов, 1882d: 139-140). И, хотя прямо об этом генерал не написал (возможно, по цензурным соображениям), вся логика его текста говорит о том, что тот же самый упрек в забвении собственного народа он адресовал и Петру I.

Итак, К.А. Булавин взял на себя «тяжелую обязанность – отстоять против правительства права, нравы, обычаи и самоуправление казачьих городков, и отстоять от произвола администрации до конца обездоленный русский народ» (Краснов, 1882d: 139). Именно поэтому его массово поддержали донские казаки; и именно поэтому, по мнению Н.И. Краснова, его нельзя было сравнивать с С.А. Разиным, который якобы был только «богатырем-разбойником» (Краснов, 1882d: 119, 139), не более того. «Он несет на себе бремя общего войскового дела», – писал о К.А. Булавине донской историк (Краснов, 1882d: 139). И в итоге, в отличие от И.И. Голикова и Н.Г. Устрялова, Н.И. Краснов антипода Петра I полностью оправдывал. Но в то же время признавал, что объективно он творил зло: «Нравственной ответственности за содеянное зло Булавин перед лицом беспристрастной истории нести не должен, ибо он действовал по повелению донского правительства, а мы видели, каким был войсковой круг перед эпохой преобразований» (Краснов, 1882d: 139).

Таким образом, у Н.И. Краснова за внешним противопоставлением Петра I К.А. Булавину стоит более глубокое противопоставление Петра I русскому народу. При этом народ трактуется генералом, в актуальной политике выступавшим за реформы сверху, как косная сила, а народный лидер – как недалекий человек, подверженный чужому влиянию. Но, не идеализируя Булавинское восстание, Н.И. Краснов оправдывает его и фактически признает моральное право простых людей защищать свои интересы. Здесь уместно привести слова Н.И. Краснова, о которых упоминает его биограф В.Н. Королев. Генерал выступал за то, чтобы родной ему Донской край развивался «хотя и медленно, но взамен того настойчиво и верно» (Королев, 1991: 242). И поэтому, симпатизируя Петру I как реформатору, донской историк отвергал его методы. Именно образ неумного, но честного и борющегося за правду, как он ее понимал, К.А. Булавина позволил ему показать, почему восстания против первого русского императора были неизбежны и спровоцированы его собственной политикой.

И в нарративе Н.И. Краснова мы находим наиболее сложный из разбираемых нам случаев вариант соотношения образов Петра I и его антипода. Прежде всего, ни один из этих образов не является однозначно положительным или однозначно отрицательным: и император, и противостоящий ему К.А. Булавин в повествовании предстают яркими и контрастными персонажами, за каждым из них стоит своя правда, но каждый из них имеет и серьезнейшие недостатки. Что еще важнее, ни один из этих образов нельзя назвать менее важным, служебным: они именно дополняют друг друга и могут быть в полной мере раскрыты только в паре. И в итоге Н.И. Краснов рисует в содержательном отношении не панегирик Петру I, в чем он обвинял русских историков, но именно трагедию, столкновение сложных фигур, ведущее к фатальной развязке. Оговоримся при этом, что в источниковедческом и вообще общеисторическом плане, конечно, Н.И. Краснов сильно уступал классикам русской историографии, и его текст, хотя и содержит интереснейшую концепцию в историографии Петра I, оказался забыт не случайно, а из-за фактических и концептуальных ошибок автора.

М.Н. Покровский

Образы и сюжеты в историографическом и литературном нарративе не остаются неизменными. История переписывается постоянно, и то, что сложилось в исторической мысли прошлого, всегда подлежит пересмотру. Его ускорению способствуют кризисы общества, а тем более такой системный кризис, какой Россия переживала на рубеже XIX–XX вв. В это время в отечественной историографии переоценка коснулась и образа Петра I. Образ создателя Российской империи представлял собой краеугольный камень идеологических построений самодержавия в новой России от времен Елизаветы Петровны и Медного Всадника до празднований петровских юбилеев в 1872 и в 1909 гг., и поэтому критики самодержавия были заинтересованы в разрушении не только идеализированного, но и вообще сколько-либо положительного образа первого российского императора.

Поэтому на первый план исторического повествования в это время часто выходила уже не апологетика царя, а его весьма резкая критика. Особенно ярко эта тенденция проявилась в большом труде «Русская история с древнейших времен» М.Н. Покровского, историка-марксиста и ученика В.О. Ключевского. По традиции и в полном соответствии с исторической реальностью образ Петра I занял в этом нарративе значительное место. Однако образ этот подавался историком настолько критически, что на первый взгляд даже не нуждался в антиподе, призванном сделать его более убедительным. М.Н. Покровский трактовал Петра I как сугубо отрицательного персонажа, а его оценки показательно расходились с традицией отечественной историографии. Так, в русской исторической мысли утвердился образ Петра I как покровителя наук, причем лично всерьез интересовавшегося современной наукой. Отсюда известная характеристика его А.С. Пушкиным – «академик», и, как указывает О.Б. Леонтьева, соответствующий «образ царя-учителя, неустанно заботившегося о просвещении своих подданных» (Леонтьева, 2011: 234). Однако М.Н. Покровский этот образ снизил и искажил так, что речь идет фактически о карикатуре на него: «Научные интересы самого Петра – если о них можно говорить – не шли дальше собирания "монстров" и "опытов" вроде попытки создать породу высоких людей, поженив добытую откуда-то царем "чрезмерно высокую" финку с показывавшимся в балаганах за деньги французским великаном» (Покровский, 1966: 605). Еще более известен исторический образ «царя-мастерового», или, по словам А.С. Пушкина, царя-«плотника». Этот образ, как отмечала О.Б. Леонтьева, традиционно подразумевал фигуру «царя-труженика, не чуравшегося самой "черной" физической работы ради блага своей державы» (Леонтьева, 2011: 234). Но М.Н. Покровский воспользовался и этим традиционным образом, чтобы создать на него карикатуру: он писал, что «солдатом Петр стал гораздо ранее, нежели "мастеровым", и что барабанную науку он изучал в свое время не с меньшим рвением, нежели впоследствии ремесло корабельного плотника» (Покровский, 1966: 609), и вообще «его удовольствия носили резко выраженный военный характер» (Покровский, 1966: 610).

Наконец, на смену романтическому «герою» А.С. Пушкина, победителю шведов под Полтавой, приходит уже не карикатурный образ, но образ подчеркнуто милитаризированный. М.Н. Покровский видит у Петра I прежде всего «любовь к военщине и солдатские замашки», причем еще до Фридриха Великого, который «сделал всех королей капралами» (Покровский, 1966: 611). При этом грубые солдатские замашки не исключают крупных недостатков в военном строительстве, в том числе даже в морском деле, которому царь уделял самое большое внимание. Традиционное представление о царе как о создателе военного флота, которое А.С. Пушкин выразил в слове «мореплаватель», ничуть не соответствовало, согласно М.Н. Покровскому, реальному положению русского флота. В нем, по его словам, «куда-нибудь годились только галеры, очень практичные для мелкой войны в финских шхерах, но не для открытого моря» (Покровский, 1966: 616). И далее он указывал на конкретные недостатки судов и даже на задержку уплаты жалованья матросам. Отметим, что на существенные недостатки флота петровского времени указывается в современной историографии (Петрухинцев, 2003: 117-128).

И поэтому, хотя образа царского антипода на основе исторической личности, противостоявшей Петру Великому, М.Н. Покровский не предложил, антипод императору в его нарративе незримо присутствует, причем его присутствие принципиально для раскрытия негативного образа героя. Точнее, сам образ Петра становится антиподом отечественной историографической традиции с ее идеализацией создателя Российской империи и в полной мере воспринимается читателем на основе контраста с ней и своеобразного развенчания мифов. М.Н. Покровский рассматривает традиционные для раскрытия образа Петра I сюжеты, однако обманывает ожидания читателя, показывая вместо героя карикатуру или ограниченного милитариста. Поэтому, в отличие от антиподов в трудах прежнего времени, посвященных Петру I, антипод царя, созданный М.Н. Покровским, имеет не исторический, но историографический смысл. В то же время морально М.Н. Покровский, подобно большинству своих предшественников, рисует совершенно ясную черно-белую картину: его демонизированный Петр I противостоит идеализированному петровскому мифу имперской историографии.

П.Н. Краснов

Любопытный образ антипода второго порядка, историографического антипода, в это время создала и донская историография. Системный кризис Российской империи затронул и казачество: в условиях экономических проблем на Дону все большей популярностью пользовались либеральные партии. В IV Государственной думе область Войска Донского оказалась представлена 9 кадетами, 3 прогрессистами, 1 беспартийным и всего 1 монархистом (Корниенко, 2013: 70). Донские консерваторы били тревогу, и один из них, Ф.К. Траилин, в личной переписке прямо объяснял подобные результаты выборов «растлением новых поколений» (Корниенко, 2013: 70).

Поэтому с начала XX в. в казачьей среде активизировалась политическая борьба, в том числе в форме «борьбы за историю». Важнейшим успехом консерваторов стала печать книги будущего атамана Донского Войска П.Н. Краснова «Картины былого Тихого Дона», популярного издания, предназначенного для чтения «в семье, школе и войсковых частях» (Краснов, 1909: форзац). П.Н. Краснов в своем нарративе только пересказывал уже известные факты из истории казачества,

часто с недобросовестными искажениями. Однако хороший литературный язык и занимательность обеспечили популярность его книге, переиздаваемой и в наши дни (Краснов, 2011).

П.Н. Краснов в рамках монархической традиции выступал панегиристом Петра I, восхваляя все его деяния. Однако ему мешал тот образ К.А. Булавина, честного казака, вставшего за народ, который предложил его собственный отец, Н.И. Краснов. И поэтому, если М.И. Покровский создавал образ самого Петра I, представляющий собой антипод традиционным образам Петра в отечественной историографии, то П.Н. Краснов создавал антипода для петровского антипода.

С фактической точки зрения весь текст П.Н. Краснова о Булавином бунте представляет собой сокращенную версию разобранных нами статьи его отца. Однако образ К.А. Булавина был подвергнут полной переоценке. П.Н. Краснов полностью убрал мотивы «народного бунтаря» и умственной ограниченности К.А. Булавина. С подобных позиций были, например, переоценены сношения К.А. Булавина с И.С. Мазепой. У Н.И. Краснова эти персонажи прямо противопоставляются – как честный «народный бунтарь», выполнявший волю народа, и «коварный и лживый» изменщик, предающий страну ради корыстных интересов, и И.С. Мазепа манипулирует К.А. Булавиным (Краснов, 1882d: 140, 147). Но П.Н. Краснов, убрав мотив несамостоятельности действий К.А. Булавина, интерпретирует переписку К.А. Булавина и И.С. Мазепы как обычную переписку двух изменников (Краснов, 1909: 153-154).

В итоге центральным сюжетом в тексте П.Н. Краснова, как и в тексте его отца, становится борьба К.А. Булавина за традиционные казачьи права, причем в этой борьбе его поддерживает, пусть и неуверенно, большинство донских казаков (Краснов, 1909: 156). Однако П.Н. Краснов отказывался рассматривать эту борьбу как народную. Напротив, она приобретает в его нарративе черты предательства и восстания против собственной матери. «Много низкой подлости и гадкого расчета было в этом движении. Молодая Россия вела тяжелую войну со шведами. Все войска были заняты отражением врага внешнего, который был уже на русской земле», – писал донской автор (Краснов, 1909: 156). «Сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский – не мог и не должен был идти против России», – восклицал он (Краснов, 1909: 156).

В итоге, при сохранении фактической канвы Булавиного восстания, описанной Н.И. Красновым, и его принципиального утверждения, что К.А. Булавин защищал интересы всего войска, П.Н. Краснов не соглашался с тем, что бунташный атаман должен быть оправдан «перед лицом беспристрастной истории». Напротив, он рассматривал К.А. Булавина как одного из величайших, если не величайшего преступника в донской истории: «Он был хуже Разина. <...>. Булавин восстал против царя! Этого на Дону никогда не бывало. Из-за мелкой, личной обиды (борьбы за войсковые права – Авт.) он поверг Войско Донское в великий позор. 17 тысяч казненных помощников его лягут на его совесть. И умер он подлой смертью – смертью самоубийцы» (Краснов, 1909: 156).

И, таким образом, если М.Н. Покровский пытался переписать историю, предложить новую интерпретацию образа Петра I, то П.Н. Краснов в рамках российского монархизма и казачьего традиционализма, напротив, пытался восстановить традиционную интерпретацию истории, поколебленную его собственным отцом. При этом его нарратив, в отличие от нарративов остальных разобранных нами авторов, в принципе не содержал никаких новых фактов, но сводился к попытке сохранить уже устаревшие в научной историографии традиционные представления о прошлом, в том числе и с помощью переосмысления установленных исследователями фактов, эти представления разрушающих. Однако этому препятствовали труды его отца, куда более серьезного исследователя, показавшего неоднозначность Булавиного бунта. И требовался антипод уже не Петру I, а его положительному антагонисту, чтобы снова демонизировать его и скомпрометировать его образ. И в нарративе П.Н. Краснова К.А. Булавин противопоставляется не столько Петру I (он не является прямым антиподом императору: их фигуры слишком разномасштабны), сколько образу К.А. Булавина, созданному Н.И. Красновым.

4. Заключение

В своей небольшой статье мы не претендуем на обобщение всех образов антиподов Петра I в отечественной дореволюционной историографии. Тем не менее разобранных нами примеров достаточно, чтобы понять, что функции антипода героя и его образа в историческом нарративе могут быть самыми разнообразными, а антипод может даже не присутствовать в тексте напрямую. Возможны и иные повествовательные стратегии, но в рассмотренных нами текстах можно выделить 4 варианта использования образа антипода Петра I:

1) Служебный антипод. В этом случае роль антипода сводится к созданию контраста для фигуры героя. Он нужен только для того, чтобы черты главного персонажа на его фоне смотрелись более рельефно. В случае с Петром I подобная структура взаимодействия образов часто предполагает, что идеализированному императору противопоставляется демонизированный злодей, необходимый, чтобы подчеркнуть неприглядность сил, с которыми боролся основатель Российской империи. При этом антипод может быть как достаточно условной фигурой, основанной на одном качестве (случай И.И. Голикова), так и реалистичным, но сугубо отрицательным персонажем (случай Н.Г. Устрялова).

2) Два героя-антипода. При подобной структуре взаимодействия образов может быть вообще не вполне ясно, кто из двух основных персонажей является главным героем. Они раскрываются друг через друга, и образ каждого из них не может быть в полной мере понят без образа антипода. Мы разобрали подобный случай на примере нарратива Н.И. Краснова, который выделяется из остальных текстов еще и моральной неоднозначностью, и это не случайно: подобное взаимодействие героя и антипода является эффективной повествовательной стратегией для описания сложных персонажей, поскольку позволяет противопоставить достоинства первого недостаткам второго, и наоборот, достоинства второго недостаткам первого.

3) Антипод традиционному общепринятому образу героя. Образ Петра I настолько укоренен в русской культуре, что можно говорить о его типичных, общепринятых чертах, известных далеко за пределами исторического сообщества хотя бы благодаря литературным произведениям А.С. Пушкина. Это позволяет противопоставить традиционному образу Петра другой образ Петра, раскрывающийся через контраст и вызывающий сильную эмоциональную и интеллектуальную реакцию именно благодаря своей неожиданности. Подобный случай мы наблюдали в тексте М.Н. Покровского, и он хорошо подходит для деконструкции положительного петровского мифа: самая идеализированность традиционного образа Петра позволяет играть на контрасте, разрушая его с помощью фактов, которые не смотрелись бы особенно компрометирующими для иного правителя России.

4) Антипод нетрадиционному образу антипода. Переписывание истории даже на основании новооткрытых фактов часто вызывает негативную реакцию у консервативных и традиционалистских сил. В подобных условиях они оказываются заинтересованы в восстановлении существовавшего прежде представления об истории. И это достаточно просто совершить (по крайней мере, для массового читателя) через дискредитацию нетрадиционных образов исторических персонажей, предложенных отдельными историками. Мы это видели на примере П.Н. Краснова, который в фактическом отношении, описывая Булавинское восстание, только пересказывал (с сокращениями) статью своего отца Н.И. Краснова, однако при этом откатывал рисуемый им сложный образ петровского антипод-народного бунтаря К.А. Булавина к традиционному образу предателя-бунтовщика К.А. Булавина, что позволяло скомпрометировать лидера восстания и снова возвеличить Петра I.

Таким образом, использование историками образов-антиподов было не случайным. Благодаря этому приему им удалось сделать выразительными персонажами как Петра Великого, так и, не в меньшей степени, его антиподов. Использование данного приема возможно не только в истории, но и в историографии, когда выстраивается новый образ известных исторических личностей, противоположный по смыслу какому-либо из существующих.

В то же время нельзя не отметить, что во всех разобранных нами нарративах создание образов антиподов имело не познавательную, а презентационную цель, способствовало не установлению новых фактов, но более ясному донесению до читателей концепцию автора. При этом авторская концепция во всех этих случаях была политически ангажирована. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить еще и о публицистичности приема использования историками образов-антиподов: его использование часто может являться маркером попытки не просто донести до читателя исторические факты, но и сформировать у него четко выраженную позицию по актуальной и связанной с современностью исторической теме.

Литература

- Антонов, Майзульс, 2013 – Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Цена крови, или Проклятые деньги Иуды Искарота // *Антропологический форум online*. 2013. № 18. С. 191-213.
- Беспярых, 2008 – Беспярых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2008. 240 с.
- Веркеенко, Казакова, 2005 – Веркеенко Г.П., Казакова О.Ю. «Любознательный и честный труженик» Н.Г. Устрялов (1805–1870). Орел, 2005. 198 с.
- Виденкина, 2021 – Виденкина К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону-Таганрог, 2021. 182 с.
- Голиков, 1838 – Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 4. М., 1838. 562 с.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Дружинин, 1997 – Дружинин В.Н. Державы Российской посол. М., 1997. 485 с.
- Дудаков, 2011 – Дудаков С.Ю. Петр Шафиров и другие... М.-Иерусалим, 2011. 434 с.
- Ключевский, 1968 – Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. 524 с.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1864. 352 с.

- Краснов, 1881** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // *Русская речь*. 1881. № 5. С. 66-93.
- Краснов, 1882a** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 1. С. 179-212.
- Краснов, 1882b** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 2. С. 108-127.
- Краснов, 1882c** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 3. С. 115-137.
- Краснов, 1882d** – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // *Русская речь*. 1882. № 4. С. 118-147.
- Краснов, 1909** – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Краснов, 2011** – Краснов П.Н. История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2011. 464 с.
- Леонтьева, 2011** – Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. 447 с.
- Мезин, 1991** – Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. 133 с.
- Павленко, 1985** – Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. 332 с.
- Петрухинцев, 2003** – Петрухинцев Н.Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 117-128.
- Покровский, 1966** – Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. 725 с.
- Посошков, 1951** – Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. 409 с.
- Сокол, 2006** – Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской истории. Каталог. М., 2006. 429 с.
- Таирова-Яковлева, 2011** – Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011. 525 с.
- Уортман, 2002** – Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. 606 с.
- Устрялов, 1858a** – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб., 1858. 399 с.
- Устрялов, 1858b** – Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. 582 с.
- Цимбаев, 1990** – Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. 366 с.
- Шевцова, 2014** – Шевцова О.Н. Композиция произведения по новой русской истории второй четверти XIX века: труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» // *Диалог со временем*. 2014. № 48. С. 110-123.
- Шмурло, 1912** – Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912. 277 с.
- Эйдельман, 1984** – Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. 368 с.

References

- Antonov, Maizul's, 2013** – Antonov, D.I., Maizul's, M.R. (2013). Tsena krovi, ili Proklyatye den'gi Iudy Iskariota [The price of blood, or the Cursed money of Judas Iscariot]. *Antropologicheskii forum online*. 18: 191-213. [in Russian]
- Bespyatykh, 2008** – Bespyatykh, Yu.N. (2008). Aleksandr Danilovich Menshikov: mify i real'nost' [Alexander Danilovich Menshikov: myths and reality]. SPb. P. 240. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Druzhinin, 1997** – Druzhinin, V.N. (1997). Derzhavy Rossiiskoi posol [Powers of the Russian Ambassador]. М. P. 485. [in Russian]
- Dudakov, 2011** – Dudakov, S.Yu. (2011). Petr Shafirov i drugie... [Petr Shafirov and others...]. М.; Jerusalem. P. 434. [in Russian]
- Eidel'man, 1984** – Eidel'man, N.Ya. (1984). Pushkin: Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennom soznanii poeta [Pushkin: History and Modernity in the Poet's Artistic Consciousness]. М. P. 368. [in Russian]
- Golikov, 1838** – Golikov, I.I. (1838). Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia]. Vol. 4. М. P. 562. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1968** – Klyuchevskii, V.O. (1968). Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and thoughts about history]. М. P. 524. [in Russian]
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko, B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. P. 232. [in Russian]
- Korolev, 1991** – Korolev, V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464. [in Russian]
- Krasnov, 1864** – Krasnov, N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]

- [Krasnov, 1881](#) – *Krasnov, N.I.* (1881). Istoricheskie ocherki Dona. Ot Razina do Bulavina [Historical sketches of the Don. From Razin to Bulavin]. *Russkaya rech'*. 1: 76-102. [in Russian]
- [Krasnov, 1882a](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 1: 179-212. [in Russian]
- [Krasnov, 1882b](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 2: 108-127. [in Russian]
- [Krasnov, 1882c](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 3: 115-137. [in Russian]
- [Krasnov, 1882d](#) – *Krasnov, N.I.* (1882). Istoricheskie ocherki Dona. Usmirenje Petrom Velikim Bulavinskogo bunta [Historical sketches of the Don. The pacification of the Bulavinsky rebellion by Peter the Great]. *Russkaya rech'*. 4: 118-147. [in Russian]
- [Krasnov, 1909](#) – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]
- [Krasnov, 2011](#) – *Krasnov, P.N.* (2011). Istoriya Voiska Donskogo. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [History of the Don Host. Pictures of the last of the Quiet Don]. M. P. 464. [in Russian]
- Leont'eva, 2011 – *Leont'eva O.B.* Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th - early 20th centuries]. Samara, 2011. P. 447 [in Russian].
- [Mezin, 1991](#) – *Mezin, S.A.* (1991). Russkii istorik I.I. Golikov [Russian historian I.I. Golikov]. Saratov. P. 133. [in Russian]
- [Pavlenko, 1985](#) – *Pavlenko, N.I.* (1985). Ptentsy gnezda Petrova [Chicks of Petr's nest]. M. P. 332. [in Russian]
- [Petrukhintsev, 2003](#) – *Petrukhintsev, N.N.* (2003). Dva flota Petra I: tekhnologicheskie vozmozhnosti Rossii [Two fleets of Peter I: technological capabilities of Russia]. *Voprosy istorii*. 4: 117-128. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1966](#) – *Pokrovskii, M.N.* (1966). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Book 1. M. P. 725. [in Russian]
- [Pososhkov, 1951](#) – *Pososhkov, I.T.* (1951). Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya [The Book of Poverty and Wealth and Other Writings]. M. P. 409. [in Russian]
- [Shevtsova, 2014](#) – *Shevtsova, O.N.* (2014). Kompozitsiya proizvedeniya po novoi russkoi istorii vtoroi chetverti XIX veka: trud N.G. Ustryalova «Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo» [The composition of a work on the early Modern history of Russia written in the second quarter of the 19th c.: the "History of the reign of Peter the Great" by N.G. Ustryalov]. *Dialog so vremenem*. 48: 110-123. [in Russian]
- [Shmurlo, 1912](#) – *Shmurlo, E.F.* (1912). Petr Velikii v otsenke sovremennikov i potomstva [Peter the Great in the assessment of contemporaries and posterity]. Ed. 1 (XVIII c.). SPb. P. 277. [in Russian]
- [Sokol, 2006](#) – *Sokol, K.G.* (2006). Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi istorii [Monumental monuments of Russian history]. Katalog. M. P. 429. [in Russian]
- [Tairova-Yakovleva, 2011](#) – *Tairova-Yakovleva, T.G.* (2011). Ivan Mazepa i Rossiiskaya imperiya. Istoriya «predatel'stva» [Ivan Mazepa and the Russian Empire. History of "betrayal"]. M. P. 525. [in Russian]
- [Tsimbaev, 1990](#) – *Tsimbaev, N.I.* (1990). Sergei Solov'ev [Sergei Solov'ev]. M. P. 366. [in Russian]
- [Uortman, 2002](#) – *Wortman, R.S.* (2002). Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 1. M. P. 606. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858a](#) – *Ustryalov, N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 1. SPb. P. 399. [in Russian]
- [Ustryalov, 1858b](#) – *Ustryalov, N.G.* (1858). Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 2. SPb. P. 582. [in Russian]
- [Verkeenko, Kazakova, 2005](#) – *Verkeenko, G.P., Kazakova, O.Yu.* (2005). «Lyuboznatel'nyi i chestnyi truzhenik» N.G. Ustryalov (1805–1870) [«Inquisitive and Honest Worker» N.G. Ustryalov (1805–1870)]. Orel. P. 198. [in Russian]
- [Videnkina, 2021](#) – *Videnkina, K.A.* (2021). Knyaz' M.M. Shcherbatov i konservativnoe napravlenie rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli vtoroi poloviny XVIII v. [Prince M.M. Shcherbatov and the conservative direction of Russian social and political thought in the second half of the 18th century]. Rostov-na-Donu, Taganrog. P. 182. [in Russian]

Образы антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии: конструирование, функции, взаимодействие

Николай Александрович Мининков ^{a,*}, Артем Юрьевич Перетятко ^{b,c},

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу образов антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии. Авторы исходят из того, что исторический нарратив может являться не только научным, но и образно-художественным произведением, и в последнем случае принципиально важно то, как историк выстраивает образы в своем повествовании. В статье проанализированы работы И.И. Голикова, Н.Г. Устрялова, Н.И. Краснова, М.Н. Покровского и П.Н. Краснова. Авторы приходят к выводу, что во всех разобранных ими случаях конструирование образов антиподов преследовало прежде всего публицистически-презентационные цели, помогало историку раскрыть на исторических примерах актуальную общественно-политическую концепцию. Однако различие этих концепций заставляло историков не только выбирать разных персонажей на роль антиподов Петра I, но и по-разному строить взаимоотношение образов героя и его антипода. В случае И.И. Голикова и Н.Г. Устрялова идеализированному Петру I противопоставлялись демонизированные И.С. Мазепа и царица Софья соответственно. Н.И. Краснов, напротив, раскрывал недостатки фигуры Петра I через противопоставление ему К.А. Булавина, причем оба этих персонажа в его повествовании были скорее положительными, что позволяло истолковать их конфликт как трагедию. М.Н. Покровский, резко критикуя Петра I, четко противопоставляет собственный авторский образ императора его традиционному образу в отечественной историографии, рисуя своего Петра I от противного. Наконец, П.Н. Краснов, пытаясь восстановить идеализированный образ императора, дискредитировал противопоставленный ему Н.И. Красновым образ К.А. Булавина, создавая антипода антиподу.

Ключевые слова: историография, образы-антиподы, Петр I, И.С. Мазепа, царица Софья, К.А. Булавин.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mininkov@aaanet.ru (Н.А. Мининков),
ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)